

УДК 94(47) "1880-1900"

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-45-56

«РУССКИЙ» ДАЛЬНИЙ ВОСТОК? НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА В ДЕБАТАХ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

А. Д. Турбин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, 190008, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17
aturbin@hse.ru

Рассматриваются материалы дискуссий о свободной торговле в Приамурье в 1880–1900-е гг., помещенные в идеологический контекст национализирующейся империи с целью осмысления динамики и контекста применения языка национализма, а также альтернативных форм самоидентификации и самоописания местных акторов. Националистическая риторика и её альтернативы анализируются не как признак внутренней мобилизации народа или нации, а в качестве языковой практики, направленной на формулирование политического требования. Присоединение Приамурского края и создание приамурского порто-франко помещаются в контекст реализации одного из националистических проектов. Затем демонстрируется, что постепенное изменение отношения к порто-франко также происходит в контексте реализации национализирующего сценария трансформации империи в национальное государство. Анализ националистической риторики в публичных и управленческих дискуссиях о порто-франко позволяет говорить не только о рецепции и трансформации националистической риторики, но и о поиске альтернативных языков описания населения и пространства, например, об областнической и расовой риторике. Отдельно исследуется динамика националистической риторики в момент реализации полукOLONИАЛЬНОГО проекта Российской империи в Маньчжурии. Демонстрируется, с одной стороны, активное конструирование «русскости» Дальнего Востока и Владивостока в противовес «чужим» Маньчжурии, Порт-Артуру и Дальнему, а с другой – отказ от националистической риторики в тех случаях, когда она вступала в противоречие с интересами местных исторических акторов. В целом в работе показано разнообразие способов описания политического пространства в позднеимперской России.

Ключевые слова: Российская империя, национализм, самоидентификация, порто-франко, свободная торговля, политическая борьба.

В январе 1907 г. на мероприятии, названном «заседанием русского купечества города Владивостока», большинство участников высказались о необходимости отмены приамурского порто-франко – особого таможенного режима, при котором разрешались беспошлинный ввоз и торговля иностранными товарами на территории Амурской, Приморской, Забайкальской и Якутской областей (подробнее см. [Беляева, 2003, с. 9–24]). Участники собрания настаивали на том, что именно их мнение отражало «истинные желания местного русского купечества», в то время как в состав другого объединения, владивостокского биржевого общества, выступавшего за сохранение порто-франко, входило большое количество представителей иностранных фирм (Материалы к совещаниям..., 1907). Однако «русскость» участников заседания также вызывала сомнение некоторых современников (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 456). Тем не менее собственная «русскость» обеими сторонами отстаивалась, а чужая – оспаривалась.

В традиционных нациецентричных нарративах националистическая риторика зачастую автоматически приписывается реальным национальным группам. Однако парадоксальные несоответствия между самописанием исторических акторов и их реальными характеристиками способствуют пересмотру такого подхода. Так, в вышедшей в 2017 г. монографии К.К. и К.И. Федевичей было предложено рассматривать волынских русских националистов, представителей Союза русского народа, в качестве монархически настроенных представителей украин-

ского национального движения [Федевич, Федевич, 2017, с. 11–39]. Одним из итогов обсуждения этой монографии стало предложение понимать «украинство» в начале XX в. в качестве политической, а не этнической категории [Шталов, 2018, с. 208–209]. Более того, было отмечено, что националистическая риторика могла активно использоваться акторами, которые вовсе не были националистами [Zayarnyuk, 2018, p. 228–229]. Подобная критика позволяет дистанцироваться от онтологизации групп и традиционных структуралистских прочтений национализма.

По аналогии с ревизией историографии национализма на западе Российской империи продуктивным представляется обращение к националистической риторике на востоке России. В данной статье источники, в которых нашла отражение дискуссия о порто-франко в Приамурье в 1880—1900-е гг., анализируются на предмет того, как в них использовалась националистическая риторика и её альтернативы. Изначальное внимание к националистической риторике обусловлено контекстом реализации национализующего сценария трансформации империи в национальное государство [Lieven, 2000, p. 281]. В то же время внимание к альтернативным языкам самоописания вызвано стремлением уйти от полностью «нациецентричной» оптики анализа [От редакции..., 2005, с. 11–12].

Вместо того чтобы рассматривать националистическую риторика как признак внутренней мобилизации народа или нации, она анализируется в качестве языковой практики, которая формировала представления о группности. Артикуляция той или иной группности, в свою очередь, рассматривается как способ формулировки политического требования [Брубейкер, 2010, с. 71]. Аргументом данной работы является утверждение о том, что региональные исторические акторы имели возможность не только инструментализировать националистическую риторика в том виде, в котором она транслировалась в регион, но и бороться за переопределение её смысла, а также предлагать альтернативные языки группности.

Присоединение Приамурья во многом можно рассматривать в контексте идеологического противостояния сторонников консервативного национализма Николая I и оппозиционных его политике «прогрессивных» националистов. Если первым Амур представлялся ненужной и даже потенциально опасной для империи территорией, присоединение которой грозило риском сибирского сепаратизма, то для вторых Амур должен был стать местом национального триумфа и обновления России после поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. Введение порто-франко на Амуре идеально вписывалось в концепцию новой политики на Востоке. Во-первых, решались насущные вопросы военной колонизации нового края в условиях недостатка экономических ресурсов, отсутствия своего торгового флота и дороговизны сухопутной доставки товаров. Во-вторых, свобода торговли на Амуре была важнейшим идеологическим элементом нового курса: позволяла сделать Россию участником буржуазного проекта развития Азиатско-Тихоокеанского региона, включить империю в европейскую борьбу за азиатские рынки Китая и Японии, открыть Сибирь миру, как Черное и Балтийское моря в свое время открыли Европейскую Россию Европе [Bassin, 1999, p. 143–173].

Несмотря на националистический контекст установления порто-франко, это управленческое решение было чисто имперским. Таможенная граница была перенесена в Иркутск, были созданы внутренние таможенные границы, не совпадавшие с административными. Например, таможенная черта фактически разделяла Восточно-Сибирское генерал-губернаторство. Преследование политических целей оправдывало и стимулировало разнообразие форм организации имперского пространства – империя как сфера реальных практик фактически обеспечивала ображаемый национальный триумф на Амуре.

Однако довольно быстро после занятия Амура и вплоть до начала 1880-х гг. местные события оказались вне внимания правительства и общества, чей интерес сместился к Средней Азии. В правительственных кругах не было принято открыто называть Дальний Восток колонией [Ремнев, 2004, с. 37–38], но только в 1880-х гг., с созданием Приамурского генерал-губернаторства, ярко выраженная националистическая риторика вновь заняла важное место в дискуссиях о развитии края и, следом, о роли порто-франко.

Уместной националистическую риторика делала реализация национализующего сценария трансформации империи в национальное государство [Lieven, 2000, p. 281]. Во второй половине XIX в. идеи русского национализма занимали важное место в публицистике и постепенно проникали в «сценарии власти» русской монархии [Уортман, 2004, с. 225–271]. Нацио-

нальный миф предполагал новую модель государства – единого и гомогенного. Особенно остро встал вопрос русификации окраин, в том числе Сибири, обладание которой придавало России имперский статус и играло важнейшую роль в русском национальном мифе [Регион в истории..., 2013, с. 8–10]. Создание Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г. было логичным действием, признаком усиления центральной власти в регионе, но вопрос о полноценном включении края в воображаемое национальное тело России должен был быть решен на месте по мере ознакомления с краем.

Назначенный генерал-губернатором А.Н. Корф организовал в январе 1885 г. Первый Хабаровский съезд, в сохранившейся программе которого вопрос о месте Дальнего Востока в структуре империи был одним из важнейших. В документе четко сформулирована необходимость вывода из обсуждений: «Как смотреть на край: как на колонию или как на часть метрополии» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–6). В опубликованных результатах съезда вывод был прописан четко: «Приамурский край хотя и отстоит от Европейской России за много тысяч верст, тем не менее не есть колония» (Съезд губернаторов..., 1885, с. 2–3).

Вопрос об экономическом развитии края также переплетался с вопросом о реализации новой, националистически-ориентированной, программы. Боязнь утраты «русской национальности» была одним из критериев оценки всей политики на Дальнем Востоке. Присутствие китайцев, манчжуров и корейцев признавалось нежелательным «по той причине, что, независимо от порчи типа русского народа, [они] смогут понизить его духовный уровень». Угрозу «русской национальности» несло и привлечение в край иностранных рабочих. Но ограниченность ресурсов заставляла идти на компромиссы. Так, для развития ремесел допускалось поселение иностранцев «просвещенных национальностей», а также «иностранцев с капиталами» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–6, 46–69об.). В вопросе о сохранении свободной торговли участники съезда также придерживались компромиссов. В целях «поощрения русской торговли» были предложены некоторые ограничения, но заинтересованности в отмене беспошлинного привоза у участников съезда не было – подавляющую часть участников составили чиновники, имущественное положение которых в определенной степени зависело от порто-франко.

И, хотя сторонники ограничения свободы торговли в целях поддержки русской торговли, несомненно, находились и среди местных акторов, таких как владивостокский военный губернатор (РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 105. Т. 1. Л. 2–2 об.), активным продвижением национальной риторики как орудия в борьбе за частные экономические выгоды на востоке занялись люди из столиц. В декабре 1884 и январе 1885 г., то есть незадолго до начала Первого Хабаровского съезда, «Московские ведомости» рассмотрели записку статского советника Филиппа Фейгина. Основываясь на своем опыте пребывания в Амурской области в 1881 г., он писал о дороговизне жизни и об эксплуатации Приамурского края китайцами и иностранцами. Фейгин увязывал вопрос о порто-франко с существованием иностранной монополии и предлагал создание во Владивостоке агентства под своим началом (см.: Катков, 1884, с. 653–655; 1885, с. 64–66).

Риторика борьбы с «иностранной эксплуатацией» была с восторгом встречена в газете М.Н. Каткова, ставшего к тому времени сторонником увеличения государственного участия в экономике. Если в 1873 г. идея открытия для торговли восточных портов пользовалась поддержкой редакции (Катков, 1873, с. 384–388), то в 1880-х гг. порто-франко стало маркером иностранной, прежде всего британской, экономической угрозы. Во многом эта метаморфоза была связана с опытом порто-франко в Батуме, открытого при пересмотре успешного Сан-Стефанского мирного договора на Берлинском конгрессе, против которого в газете была развернута активная кампания (Катков, 1878, с. 279–281).

Совсем иной отклик получил доклад Фейгина в регионалистской прессе. Основанная одним из основоположников областнического движения Н.М. Ядринцевым газета «Восточное обозрение» включала вопрос о порто-франко в свою повестку. В ней Сибирь и Дальний Восток занимали место эксплуатируемой колонии, которой по примеру отношений «Англии» с ее колониями требовалось расширить экономические и политические свободы для сохранения в составе империи (Ядринцев, 1882, с. 432–450). Областники не перенимали националистическую риторику, а скорее формулировали альтернативный регионалистский дискурс. Фейгин обвинялся в преследовании личных целей, прикрытых заботами о крае: «Уничтожить *porto-franco*, и результатом получится сбыт на Амуре русских товаров, которыми благодетельница Москва

всегда наделяла обширную Сибирь. Достоинства их известны – это брак и гниль» (*М-ов К.*, 1885, № 6). Довершая картину эксплуатации региона «центром», газета писала, что «московские коммерсанты протянули лапки к далекому Востоку» (Амурское порто-франко..., 1885, № 16).

Местная пресса в лице соредатора газеты «Владивосток» В.А. Панова также выступила за сохранение *porto-franco*, указывая на благоприятное влияние иностранной торговли и конкуренции и обвиняя Фейгина в спекуляции принадлежностью к русской нации. Себя и местное население Панов в рамках дискуссии именовал «сибиряками», параллельно ставя под вопрос «русскость» самого Фейгина (Амурские благодетели, 1885, № 16). На Дальнем Востоке не всеми язык национализма воспринимался как адекватный для отражения интересов местного общества. Даже барон Корф отстаивал необходимость *porto-franco*, используя риторику «местных интересов»: «Выгодна же мера эта [отмена *porto-franco*] была бы только для фабрикантов и заводчиков Европейской России. Но я не думаю, чтобы ради сравнительно весьма незначительной выгоды этих последних, следовало бы приносить в жертву интересы Правительства и целого края» (РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 105. Т. 1. Л. 16–33).

Однако, реализуя в Приамурье политику и «сценарий власти» Александра III, барон Корф оставался ответственным проводником националистической риторики. На Втором Хабаровском съезде он развил идею о включенности Приамурья в национальное тело империи: «...Край наш не колония, которую метрополия желает скорее обобрать и потом бросить. Тридцать лет тому назад он был присоединен к России и с тех пор прирос к ней, сросся с нею так, что составляет одно нераздельное целое с этим могучим великаном» (Второй Хабаровский..., 1886, с. 2). Осознанно или неосознанно А.Н. Корф вторил Каткову с его идеями государственного национализма, при реализации которых «не нашлось бы места ни автономии, ни национально-культурным различиям» [Уортман, 2004, с. 225–230].

Второй Хабаровский съезд примечателен гораздо более активным использованием его участниками риторики «русских интересов». Принявшие в этот раз участие в съезде «русские» купцы позиционировали себя проводниками русских товаров из Одессы, регулярное паромное сообщение с которой было установлено в Приамурье за несколько лет до этого. Ожидавшееся развитие русской торговли в Маньчжурии по реке Сунгари было одним из аргументов против сохранения *porto-franco*. Однако на защиту *porto-franco* встали представители владивостокской делегации. Будучи центром иностранной торговли, Владивосток получал большую выгоду от иностранного присутствия в регионе. Городской голова И.И. Маковский и упоминавшийся В.А. Панов мотивировали сохранение *porto-franco* необходимостью снабжения местного населения дешевыми товарами. Большинство участников съезда поддержали их (Второй Хабаровский..., 1886, с. 61–62).

Значительные изменения, повлиявшие на ход дискуссий о *porto-franco*, последовали на рубеже XIX и XX в. Во-первых, если внимание Александра III концентрировалось на уже закрепленных за Российской империей территориях Приамурья, то взошедший на престол Николай II был сторонником более активной восточной политики. Во-вторых, происходило переосмысление содержания имперской экспансии, от традиционных для империи форм военного и дипломатического влияния к экономическому доминированию. Одновременно экономические преобразования внутри страны были вдохновлены идеями создания национальной экономики, что привело к активной протекционистской политике. В-третьих, экспансия Российской империи на восток осмыслялась как противостояние империй, так и исходя из представлений о «желтой угрозе» [Схиммельпенник ван дер Ойе, 2009, с. 25–167].

Все описанные изменения находили отражение и в Приамурье. Но в начале последнего десятилетия XIX в. будущее Приамурского генерал-губернаторства представлялось в светлых тонах. Как минимум жители региона могли рассчитывать на значительные государственные расходы на развитие территории. Огромные финансовые вложения в прокладку железной дороги оживили край, увеличили объемы грузоперевозок в основные гавани – Владивосток и Николаевск-на-Амуре.

В этих условиях в 1893 г. прошел Третий Хабаровский съезд. В своей речи генерал-губернатор отметил, что с 1885 по 1890 г. импорт русских товаров увеличился, а импорт иностранных уменьшился. В период между вторым и третьим съездами в системе *porto-franco*

произошли некоторые изменения. К обложению пошлиной алкогольных напитков в 1880-е гг. добавились таможенные сборы для других подакцизных товаров: табака, сахара, керосина и т.п. [Беляева, 2003, с. 25–40]. Но генерал-губернатор счел необходимым отметить, что причиной изменения структуры импорта было не введение пошлин. По его мнению, причина была в национальной принадлежности местного населения: «Мы русские люди, придя сюда, принесли с собой русские потребности, привычки и не перестали быть русскими людьми» (Труды III Хабаровского..., 1893, с. 6–9). На съезде вопрос о порто-франко или иностранной торговле в этот раз даже не был включен в качестве отдельного пункта в повестку, предлагалось лишь обсудить проблему дороговизны товаров в целом.

Это может показаться тем удивительнее, что с началом постройки железной дороги вопрос об отмене порто-франко привлекал всё большее внимание торгово-промышленных кругов европейской России. Примером служит доклад председателя ярмарочного комитета Нижегородской ярмарки Саввы Морозова, сделанный на заседании общего собрания уполномоченных ярмарочного купечества 12 августа 1891 г. (РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 105. Т. 1. Л. 24, 210–210об.). Однако, несмотря на мнение торгово-промышленных кругов европейской России, барон Корф продолжал выступать за сохранение порто-франко перед министром финансов и на заседаниях комитета министров (Там же. Л. 219–228об., 239–240).

Приамурская администрация не считала необходимым выносить вопрос о порто-франко на открытое обсуждение. Судя по материалам съезда, актуальным для края к тому времени стало развитие местной промышленности, и участниками съезда отмечалась сложность конкуренции местного производства в первую очередь с промышленностью центра империи (Труды III Хабаровского..., 1893, с. 42–43). На дискурсивном уровне развитие местной промышленности вступало в противоречия с «русскими интересами», представленными в нижегородских ходоатайствах. По мнению сторонников порто-франко, его сохранение позволяло удешевлять импорт необходимого оборудования и сырья, поддерживать интенсивные торговые контакты.

Источниками капиталов для развития местной промышленности также могли стать иностранные предприниматели. Некоторые из них были приглашены на съезд уже как русские подданные: немецкий купец А.В. Даттан (не принял участия) перешёл в российское подданство в 1886 г. [Деев, 2012, с. 345], швейцарский купец Ю.И. Бринер принял российское подданство в 1890 г. [Позняк, 2004, с. 274]. Но и наличие иностранного подданства не было непреодолимой преградой – так, в работе съезда принимал участие доверенный фирмы «Кунст и Альберс» Э. Корнельс, который перешёл в российское подданство только в 1897 г. [Позняк, 2004, с. 277–278].

Единственным примером более-менее активной атаки на иностранную торговлю была записка представителя торговой фирмы Чурин и Ко. В. Левашова, который обвинял фирму «Кунст и Альберс» в искусственном занижении цен в Благовещенске. Но барон Корф, подводя итоги обсуждений, воздержался от выпадов против коммерсантов: «Что товар дорого продается, не относится к личностям торговцев, рискующих капиталом и трудом... Упрек относится к обстоятельствам» (Труды III Хабаровского..., 1893, с. 52–53, 134–135).

Тем не менее в столице было решено закрыть порто-франко в связи со строительством железной дороги. Для детального обсуждения таможенного тарифа для Приамурья в апреле 1895 г. была организована встреча с местными представителями торговли и промышленности. Местное купечество было представлено во всем разнообразии. Например, кроме представителей иностранных торговых фирм на встрече присутствовал китайский купец Юн-Хо-Зан. Отмечая важную роль иностранной рабочей силы в развитии местной промышленности, местное купечество доказывало необходимость освобождения от пошлины ряда товаров, являющихся предметом потребления исключительно иностранных подданных. Например, речь шла о китайских, корейских и японских национальных одеждах, а также о рисе. Дешевый китайский труд позиционировали как необходимый для благосостояния края и местного русского населения (Порто-франко на Дальнем Востоке..., 2000, с. 31–100).

Но были и примеры инструментализации ксенофобии по отношению к азиатскому населению. В 1897 г., отстаивая в своей книге необходимость порто-франко, бывший немецкий подданный А.В. Даттан, сотрудник и совладелец фирмы «Кунст и Альберс», пугал своих читателей образом «желтой угрозы», называя Южно-Уссурийский край «китайской колонией»,

сравнивая китайцев с евреями, равно опасными для «русских и иностранцев кавказской расы». Свой взгляд он противопоставлял националистической риторике: «Никто в той же Москве, по-видимому, столь чуткой к национальным интересам, не обмолвился еще ни словом насчет действительной опасности, какая грозит здесь всем без исключения со стороны китайцев!» (Даттан, 1897, с. 68, 80, 112–113, 115).

Как писал в предисловии сам автор, данная работа была написана по поручению собрания местного купечества, и предполагалось, что она будет издана к открытию Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде 1896 г. Вероятно, местная администрация поддерживала такое решение, так как собрание проходило под председательством военного губернатора Приморской области. Поручение Даттану приготовить материалы об экономике края для выставки, имевшей большое символическое значение [Берар, 2016, с. 25–34] и проходившей в месте сосредоточения «русских» торговых и промышленных интересов, демонстрирует степень доверия бывшему иностранному подданному Даттану в деле защиты местных интересов края.

Тем временем имперские амбиции стимулировали имперскую экспансию. Сближение России и Китая после китайско-японской войны 1894–1895 гг. позволило договориться о строительстве железной дороги в Маньчжурии. В 1898 г. Российская империя арендовала оконечность полуострова Ляодун, незамерзающие гавани которого имели преимущества перед Владивостоком с точки зрения как военных, так и министерства финансов. Развитие Порт-Артура и Дальнего требовало колоссальных затрат, а планы экономической экспансии ускорили закрытие порто-франко в Приамурье, несмотря на возражения и просьбы об отсрочке со стороны местной администрации [Беляева, 2003, с. 57].

Логика имперской экспансии была простой: Маньчжурия должна была стать частью империи – формально через политическую аннексию, или опосредованно, через экономическое доминирование и создание «неформальной империи» [Схиммельпенник ван дер Ойе, 2009, с. 222]. Для многих жителей Приамурья такая постановка вопроса не сулила ничего хорошего. Введение таможенного обложения в Приамурье было поспешным и происходило в то время, когда арендованные порты в Маньчжурии становились центрами свободной торговли, поэтому течение коммерческой жизни в крае было нарушено. Именно в этот период во Владивостоке можно зафиксировать один из наиболее примечательных сдвигов в риторике местных представителей.

В.А. Панов теперь уже в своей газете «Дальний Восток» встал на защиту Владивостока, критикуя таможду в многочисленных статьях. Но Панову было важно не только показать вред от отмены порто-франко в Приамурье, но и доказать ошибочность имперской экспансии в Маньчжурию. В статье с говорящим названием «О лишнем городе Дальнем» он четко сформулировал свою идею: «... Основывать какие-либо прочные национальные расчеты на совершенно искусственном и излишнем для нас Дальнем – не имеет никаких оснований» (Панов, 1902, № 5). Квантунскую область Панов сравнивал с «ахиллесовой пятой» России. «Во Владивостоке такой пяты, очевидно, не было и не могло быть», – утверждал он, показывая естественную границу русских интересов (Панов, 1902, № 110).

Утверждение о том, что отмена порто-франко совершена в интересах национальной промышленности, Панов парировал с использованием националистической риторики, но пытался переопределить ее смысловое наполнение: «...Существовала рядом другая, еще более национальная идея ... Идея эта заключалась в том, что каковы бы ни были достоинства и недостатки Приамурского края ... он был необходим государству для специальных государственных целей: политических и стратегических, необходим как определенный и прочный базис на Азиатском Востоке». Для этого край должен был быть заселен, и Панов призывал восстановить порто-франко (Панов, 1902, № 80). Он формулировал аргументы в защиту порто-франко в своеобразной гибридной форме, объединяющей гомогенизирующую логику языка национализма, призванного «вписать» Приамурье в национальное тело России и вытолкнуть из него Маньчжурию, и традиционную логику имперского языка описания Приамурья как территории, требующей особого к себе отношения.

Значительную активность в отстаивании порто-франко проявило во Владивостоке биржевое общество, также использовавшее националистическую риторику в качестве аргумента. Когда в 1902 г. С.Ю. Витте прибыл во Владивосток, ему был сделан доклад, в котором Влади-

восток описывался как «единственный прочно и удобно лежащий на русской территории порт», который из-за закрытия порто-франко терял свои естественные внутренние и внешние рынки. Правительственная политика на востоке представлялась как создающая «искусственное давление» на «коренной» и «русский» Владивосток, оплот «русского влияния», с целью поддержки порта Дальнего, лежащего «на чужой территории» (Материалы к совещаниям ..., 1907).

Аргументы биржевого комитета, строившиеся на противопоставлении «своего» Дальнего Востока и «чужой» Маньчжурии, не были полностью проигнорированы. Тот же Витте соглашался с предложением биржевого комитета создать во Владивостоке «вольную гавань» – ограниченную портовую территорию, на которой можно было бы хранить товар без прохождения таможи (Порто-франко на Дальнем Востоке..., 2000, с. 118–125). Но логика имперской экспансии стирала различия между Приамурьем и Маньчжурией; последняя воспринималась как будущая часть империи, и иностранное влияние со временем перестало рассматриваться как нечто допустимое [*Схиммельпенник ван дер Ойе*, 2009, с. 313–327]. Создание в июле 1903 г. дальневосточного наместничества – административной единицы, объединяющей территорию Приамурского генерал-губернаторства и арендованные территории, лишь довершало картину: в воображении имперских чиновников арендованные территории закреплялись в воображаемом теле империи.

Биржевой комитет постарался найти общий язык и с новой администрацией: «Отход центра торговли от русской территории (Владивостока – Николаевска) – к Цуруга, Нагасаки, Кеньшен, Порт-Артуру и Харбину, конечно, не в интересах России». Критиковалась и политика КВЖД: «...Все преимущества надо дать русской территории, через которую должны бы двигаться товары. Такое движение... столкнется с русским населением... получит русское влияние... проникаясь "русским духом"» (Материалы к совещаниям..., 1907). Под влиянием прессы и подобных обращений у дальневосточного наместника адмирала Алексева сложилось положительное отношение к идее восстановления порто-франко [*Беляева*, 2003, с. 116–124].

Наконец, не стоит забывать и о местной администрации. Осенью 1903 г., когда угроза войны с Японией явственно ощущалась, только покинувший пост генерал-губернатора Приамурья Д.И. Субботич направил письмо военному министру А.Н. Куропаткину. В нем он предлагал совершить нечто вроде коммерческой сделки – обмена Южно-Маньчжурской ветви железной дороги, Дальнего и Порт-Артура на Северную Маньчжурию – территории к северу от основной ветки КВЖД. «Бассейн Амура – это и есть Русский Дальний Восток!» – писал бывший генерал-губернатор, выражая свое видение естественных границ имперской экспансии (*Субботич*, 1908, с. 24).

Начавшаяся в январе 1904 г. русско-японская война изменила ситуацию, и порто-франко в Приамурье было восстановлено в прежнем объеме. После войны защита порто-франко была феноменально активной [*Николаев*, 2009, с. 68–107], но в националистической риторике произошли серьезные перемены. Потеря Порт-Артура и Дальнего значительно ограничила потенциал применения националистической риторики выступающими за сохранение порто-франко. Отсутствие территории, по отношению к которой Приамурье выступало бы более «русским», делало использование языка национализма менее удобным, а апеллировать к особому положению Маньчжурии теперь имело мало смысла – свободная торговля там существовала уже без санкции Российской империи. Да и КВЖД теперь стала «русскими рельсами», которые хорошо было бы загрузить товарами из Владивостока, чему, по мнению биржевого комитета, все так же мешала таможня. Теперь в телеграммах меньше говорилось о «русскости» и больше – об особых нуждах «далекой окраины с ее *собственными* интересами» (Материалы к совещаниям..., 1907).

Кроме того, события революции 1905—1907 гг. привели к значительному усилению правых националистических сил. Фактически речь шла о новой волне национализации, основанной на риторике исключения «нерусских элементов» из решения «русских» вопросов. Именно в этой логике строились доводы противников порто-франко на собрании владивостокского купечества 25 января 1907 г. Владивостокское биржевое общество, организованное и действовавшее в соответствии с имперским законодательством, по мнению собрания, не могло решать вопросы «сообразно русских интересов», ведь в него входили «не только иностранные фирмы и

лица, но и много русских, являющихся представителями иностранных фирм» (Материалы к совещаниям..., 1907).

Однако, как уже было отмечено, само собрание вскоре попало под критику за свой «русский» состав. Так, один из участников владивостокских совещаний по вопросу об отмене порто-франко замечал, что среди 43 подписавшихся значились 18 «нерусских» по фамилиям, а председатель собрания И.П. Степанов являлся представителем китайского торгового дома Юн-Хо-Зана (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 456). Сам спор о русскости членов биржевого комитета и собрания купечества демонстрирует, насколько «русскость» и «нерусскость» оппонентов была риторическим конструктом, позволяющим вывести дискуссию даже за рамки легальной категории подданства.

Важно, что для дальневосточных противников существования приамурского порто-франко националистический аргумент давал возможность делать нападки на местных сторонников свободной торговли, сохраняя при этом Приамурье в качестве неотделимой части русского национального тела. В то же время пространственное воображение некоторых недалежных восточных акторов вполне допускало еще более узкие границы русского национального тела. Так, П.Т. Тимофеев в своей брошюре, выступая против порто-франко исключал из русской территории не только Маньчжурию, но и Северный Сахалин, который по аналогии с Аляской предлагалось продать или отдать в аренду американцам (Тимофеев, 1908, с. 35–36).

Заигрывание с националистической риторикой, таким образом, было чревато для дальневосточных акторов ослаблением таких традиционных аргументов, как «особые интересы», с использованием которых формулировались требования льгот для края. Даже самые рьяные местные противники порто-франко все же предполагали сохранение существенных таможенных изъятий в отношении товаров, необходимых для колонизации малонаселенного и отдаленного края. Однако, например, в Думе на риторике «оскудевшего центра» строились требования отмены всех экономических льгот для Дальнего Востока, а традиционные аргументы о пустынности края отменялись указанием на благосостояние местного населения (Государственная дума..., 1908, стб. 1789–1798). А в Государственном совете параллельно с признанием Приамурья наиболее русской окраиной империи предполагалось ограничить затраты на окраину по причине того, что центр жизни русского народа все же находился в Европейской России (Государственный совет..., 1908, стб. 1377, 1445–1446).

Наконец, в дискуссиях о порто-франко было место и попыткам переформулировать представление о национальных интересах в духе классовых интересов. Например, активный защитник порто-франко А.А. Березовский, обращая внимание на то, что многие предприятия Лодзи лишь формально являются русскими, писал: «... "Интересы русской промышленности" есть не что иное как частные ... с интересами 135 миллионов населения России они не только не имеют что-либо общего, но идут с ними в разрез и во вред» (Березовский, 1907, р. 1, с. 109; р. 2, с. 38, 74). Такой взгляд находил поддержку у столичной либеральной прессы, например, у «Вестника Европы», на страницах которого одновременно писали о вреде отмены порто-франко в Приамурье и «извращении национальной идеи» в России (Слонимский, 1909, с. 297–311; Ковалевский, 1909, с. 423–437).

Несмотря на кампанию, развернувшуюся в Приамурье в защиту свободной торговли в крае, после горячих дебатов в Государственной думе законопроект об отмене порто-франко прошел рассмотрение и был направлен в Государственный совет. 16 января 1909 г. закон об отмене порто-франко был принят. Однако «тоска по порто-франко» как особому явлению дальневосточной жизни продолжилась, сделав порто-франко своеобразным «символом региональной ментальности» [Беляева, 2009, с. 5].

Таким образом, на примере дискуссий о дальневосточном порто-франко мысль о том, что национальная риторика не является отражением национальной мобилизации, находит подтверждение. На применение националистической риторики на протяжении рассмотренного периода влиял внутри- и внешнеимперский контекст, «русскость» Приамурья, соседних с ним территорий и местного населения оспаривалась. Рецепция и инструментализация языка национализма не были единообразными, позволяли гибко формулировать смысловое наполнение «русскости». Попытки манипулирования аргументом «русскости» как помогали достигать желаемых результа-

тов, так и препятствовали этому. Кроме того, с националистической риторикой соседствовали альтернативные способы описания группности и политического пространства.

Создание порто-франко, являясь чисто имперским решением, необходимым для экспансии в условиях недостатка ресурсов, оказалось на начальном этапе полностью совместимым с националистическим видением реформистски настроенных националистов. Проблематизация порто-франко на Дальнем Востоке во многом происходила под влиянием внешних факторов, усиления националистической риторики в «сценариях власти» монархов, негативного контекста введения порто-франко в Батуме. В этих условиях для сторонников сохранения порто-франко становились актуальны альтернативные языки защиты местных интересов, например, областническая и регионалистская риторика. Нападки на иностранцев-европейцев, облаченные в националистическую риторику, нейтрализовались отсылками к объективным обстоятельствам, а защита интересов китайского, корейского и японского населения и вовсе легитимизировалась через «русский» интерес в развитии края.

Появление внешнего колониального проекта сделало язык «русскости» доминантным при описании Дальнего Востока и его сравнении с Маньчжурией, привело к использованию своего рода гибридного языка, призванного одновременно описать регион как часть воображаемого национального тела государства и обосновать необходимость особенного к нему отношения. Состав участников дискуссий только подтверждает, что как «русскость», так и «нерусскость» конструировалась в соответствии с частными представлениями и задачами.

Пример того, как изменялось содержание дискурса «русскости» на Дальнем Востоке, служит аргументом в пользу необходимости контекстуализации националистической риторики для надлежащего понимания ее динамики. Обращение к идеологии, дискурсам и практикам управления и воображения разных имперских пространств позволяет создать объемную картину, в которой не находится места для самодостаточного, универсального и заключенного в четких границах дискурса национализма.

Примечания

¹ Работа над статьей проходила в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор выражает благодарность рецензентам журнала за критику и предложения по исправлению текста статьи.

Список источников

- Амурские благодетели // Владивосток. 1885. № 16. 21 апр.
Амурское порто-франко и царь-колокол // Восточное обозрение. 1885. № 16, 18 апр.
Березовский А.А. Таможенное обложение и порто-франко в Приамурском крае: Опыт всестороннего исследования. Владивосток: Тип. «Торг.-пром. вестника Д. В.», 1907. 134, 88 с.
Второй Хабаровский съезд 1886 года / под ред. И.П. Надарова. Владивосток: Тип. Штаба портов Вост. океана, 1886. 79 с.
Государственная дума: Стеногр. отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч. 1: Заседания 1–35. СПб.: Гос. тип., 1908. 3152 стб.
Государственный совет: Стеногр. отчеты. 1907–8 годы: Сессия III. Заседания 1–44 (1 ноября 1907 г. – 5 июля 1908 г.). СПб.: Гос. тип., 1908. 2432 стб.
Даттан А.В. Исторический очерк развития приамурской торговли. М.: тип. Т.И. Гаген, 1897. 192 с.
Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1873 год. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1897. 938 с.
Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1897. 594 с.
Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1898. 671 с.
Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1898. 653 с.
Ковалевский М.М. Порто-франко во Владивостоке // Вестник Европы. 1909. Т. 1. С. 423–429.
Материалы к совещаниям по вопросу о порто-франко. Владивосток: Тип. «Торг.-пром. вестника Дальнего Востока», 1907. Б. п.

- М-ов. К.* Отдавать ли Амур в кабалу? (Ответ на проект г. Фейгина) // Вост. обозрение. 1885. № 6, 7 февр.
- Панов В.А.* Вне колеи (часть 3) // Дальний Восток. 1902. № 80, 7 апр.
- Панов В.А.* О лишнем городе Дальнем // Дальний Восток. 1902. № 5, 6 янв.
- Панов В.А.* Россия на Дальнем Востоке (часть 2) // Дальний Восток. 1902. № 110, 19 мая.
- Порто-франко на Дальнем Востоке: Сб. док. и матер. под ред. Н.А. Троицкой. 2-е изд. Владивосток: Б. и., 2000. 304 с.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 13; Оп. 2. Д. 456.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 40. Оп. 1. Д. 105. Т. 1.
- Слонимский Л.З.* Национальная идея и ее новейшие извращения // Вестник Европы. 1909. Т. 1. С. 297–311.
- Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке: Письмо ген. Д.И. Суботича к воен. министру А.Н. Куропаткину в 1903 г. // Амурская дорога и наша политика на Дальнем Востоке. Ревель: Б. и., 1908. 53 с.
- Съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровске в 1885 г. [Хабаровск, 1885]. 34 с.
- Тимофеев П.Т.* Порто-франко на Дальнем Востоке и российский космополитизм. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 39 с.
- Труды III Хабаровского съезда под ред. Н.А. Крюкова. Хабаровка: Тип. М.А. Тыртова, 1893. 170 с.
- Ядринцев Н.М.* Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современ. положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 472 с.

Библиографический список

- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 348 p.
- Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present. London: John Murray, 2000. 486 p.
- Zayarnyuk A.* Supranational Patriots? // *Ab Imperio*. 2018. № 2. P. 225–229.
- Беляева Н.А.* Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 5–10.
- Беляева Н.А.* От порто-франко к таможене: очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток: Дальнаука, 2003. 214 с.
- Берар Е.* Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. М.: Нов. лит. обозрение, 2016. 344 с.
- Брубейкер Р.* Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова, М.: Нов. изд-во, 2010. С. 62–109.
- Деег Л.* Кунст и Альберс: история немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. 392 с.
- Николаев А.М.* Противоречия по вопросам таможенной политики в торговых кругах Приамурского края в конце XIX – начале XX в.: Монография. Владивосток: Б. и., 2009. 172 с.
- От редакции: Политика языка и политика смыслов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 11–15.
- Позняк Т.З.* Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
- Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири / ред.-сост. С. Глебов. М.: Нов. изд-во, 2012. 294 с.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 548 с.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. 419 с.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. 796 с.

Федевич К.К., Федевич К.И. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки) / пер. з рос. К. Демчук. Київ: Критика, 2017. 308 с.
Шаталов Д. Черносотенные украинофилы? // *Ab Imperio*. 2018. № 2. С. 201–212.

Дата поступлення рукописи в редакцію 15.05.2019

«RUSSIAN» FAR EAST? NATIONALIST RHETORIC IN THE DEBATE ON FREE TRADE IN THE FAR EASTERN TERRITORIES OF THE RUSSIAN EMPIRE

A. D. Turbin

National Research University “Higher School of Economics” in St. Petersburg, Promyshlennaya str., 17, 190008, St. Petersburg, Russia
aturbin@hse.ru

The article analyzes the debate on free trade in the Amur Region in 1880–1910. It places the economic debate on the porto franco system in the ideological context of a nationalizing empire. The use of the language of nationalism is seen not as a reflection of internal national mobilization, but rather as a rhetorical tool aimed at enhancing political arguments. The annexation of the Amur Region and the introduction of the Amur porto franco are put in the context of the nationalist project. An analysis of nationalist rhetoric in public and managerial discussions about porto franco demonstrates the reception, instrumentalization, and adaptation of nationalist rhetoric, as well as the search for alternative languages to describe the population and political space. Finally, the dynamics of nationalist rhetoric during the implementation of the Russian colonial project in Manchuria demonstrates, on the one hand, the active construction of the “Russianness” of the Far East and Vladivostok as opposed to the “alien” Manchuria, Port Arthur, Dalian, and, on the other, the rejection of nationalist rhetoric in cases where it conflicted with the interests of local historical actors. In general, the author demonstrates the variety of political imaginations in late imperial Russia.

Key words: Russian Empire, nationalism, self-identification, free ports, free trade, political claims.

References

- Bassin, M. (1999), *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 348 p.
- Belyaeva, N.A. (2003), *Ot porto-franko k tamozhne: ocherk regional'noy istorii rossiyskogo protektsionizma* [From porto franco to customs: essay on the regional history of protectionism], Dal'nauka, Vladivostok, Russia, 214 p.
- Belyaeva, N.A. (2009), “Amur porto franco discussion (1901–1905)”, *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, № 1, pp. 5–10.
- Berard, E. (2016), *Imperiya i gorod: Nikolay II, “Mir iskusstva” i gorodskaya дума v Sankt-Peterburge, 1894–1914* [Empire and the city: Nicolas II, “World of Art” movement and St. Petersburg city council, 1894–1914], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 344 p.
- Brubaker, R. (2010), “Myths and misconceptions in the study of nationalism”, in Gerasimov I, Mogil'ner M. & A.M. Semenov (eds.), *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism], Novoe izd-vo, Moscow, Russia, pp. 62–109.
- Deeg, L. (2012), *Kunst i Al'bers: istoriya nemetskogo torgovogo doma na rossiyskom Dal'nem Vostoke (1864–1924 gg.)* [Kunst and Albers: The history of a German trading company in the Russian Far East 1864–1924], second edition, Izdatel'skiy dom Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, Vladivostok, Russia, 392 p.
- Fedevich, K.K. & K.I. Fedevich (2017), *Za Viru, Tsaria i Kobzaria. Malorosii'ski monarkhisti i ukrains'kii natsional'nii rukh (1905–1917 roki)* [For the Faith, the Tsar, and the Kobzar: The Malorossian Monarchists and Ukrainian National Movement (1905–1917)], translated by Katerina Demchuk, Kritika, Kiev, Ukraine, 308 p.
- “From the editors: politics of language and politics of meaning” (2005), *Ab Imperio*, № 2, pp. 11–15.
- Glebov, S. (ed.) (2013), *Region v istorii imperii: istoricheskie esse o Sibiri* [Region in the history of the empire: historical essays about Siberia], Novoe izd-vo, Moscow, Russia, 294 p.
- Lieven, D. (2000), *Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present*, John Murray, London, UK, 486 p.
- Nikolaev, A.M. (2009), *Protivorechiya po voprosam tamozhennoy politiki v torgovykh krugakh Priamurskogo kraya v kontse XIX – nachale XX v.* [Contradictions on customs policy among business community of the Amur region in the late 19th – early 20th centuries], w.p., Vladivostok, Russia, 172 p.

- Poznyak, T.Z. (2004), *Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Foreign citizens in the cities of the Russian Far East (the second half of the 19th – early 20th centuries)], Dal'nauka, Vladivostok, Russia, 316 p.
- Remnev, A.V. (2004), *Rossiya Dal'nego Vostoka: imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov* [Russia's Far East. The imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries], Izd. OmGU, Omsk, Russia, 548 p.
- Schimmelpenninck van der Oye, D. (2009), *Na vstrechu voskhodiashchemu solntsu: kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voine s Yaponiey* [Toward the rising sun: how imperial myth-making led Russia to war with Japan], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 419 p.
- Shatalov, D. (2018), “Black Hundred Ukrainophiles?”, *Ab Imperio*, № 2, pp. 201–212.
- Wortman, R. (2004), *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii, T. 2* [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy, Volume 2], OGI, Moscow, Russia, 796 p.
- Zayarnyuk, A. (2018), “Supranational Patriots?”, *Ab Imperio*, № 2, pp. 225–229.